

Дальние страны — эпизод 14 из 28

— То вы говорили, что из палатки не брали, а теперь вот что...

— Ничего не чудно, — горячо вступился Петька. — Эдак тоже бывает. Очень даже часто бывает: думаешь — не брал, а оказывается — брал. И у нас с Васькой было. Пошли один раз мы рыбу ловить. Вот я по дороге спрашиваю: «Ты, Васька, маленькие крючки не позабыл?» — «Ой, — говорит он, — позабыл». Побежали мы назад. Ищем, ищем, никак не найдем. Потом глянул я ему на рукав, а они у него к рукаву приколоты. А вы, дядя, говорите — чудно. Ничего не чудно.

И Петька рассказал другой случай, как косой Геннадий весь день искал топор, а топор стоял за веником. Он говорил убедительно, и высокий переглянулся с Василием Ивановичем.

— Гм... А пожалуй, можно будет сходить и поискать. Да вы бы сами, ребята, сбегали как-нибудь и поискали.

— Мы поищем, — охотно согласился Петька. — Если он там, то мы его найдем. Никуда он от нас не денется. Тогда мы — раз, раз, туда, сюда и обязательно найдем.

После этого разговора, не дожидаясь Васьки, Петька поднялся и, заявив, что он вспомнил про нужное дело, попрощался и отчего-то очень веселый побежал к тропке, ловко перескакивая через зеленые, покрытые мхом кочки, через ручейки и муравьиные кучи.

Выбежав на тропку, он увидел группу возвращавшихся с разъезда алешинских крестьян.

Они были чем-то взволнованы, очень рассержены и громко ругались, размахивая руками и перебивая друг друга. Позади шел дядя Серафим. Лицо его было унылое, еще унылее, чем тогда, когда обвалившаяся крыша сарая задавила у него поросенка и гусака.

И по лицу дяди Серафима Петька понял, что над ним опять стряслась какая-то беда.

Глава 8

Но беда стряслась не только над дядей Серафимом. Беда стряслась над всем Алешином и, главное, над алешинским колхозом.

Захватив с собой три тысячи крестьянских денег, тех самых, которые были собраны на акции Трактороцентра, скрылся неизвестно куда главный организатор колхоза — председатель сельсовета Егор Михайлов. В городе он должен был пробыть двое, ну, от силы, трое суток. Через неделю ему послали телеграмму, потом забеспокоились — послали другую, потом послали вслед

нарочного. И, вернувшись сегодня, нарочный привез известие, что в райколхозсоюз Егор не являлся и в банк денег не сдавал. Заволновалось, зашумело Алешино. Что ни день, то собрание. Приехал из города следователь. И хотя все Алешино еще задолго до этого случая говорило о том, что у Егора в городе есть невеста, и хотя от одного к другому передавалось много подробностей — и кто она такая, и какая она собой, и какого она характера, но теперь оказалось как-то так, что никто ничего не знал. И никак нельзя было доискаться: кто же видел эту Егорову невесту и откуда вообще узнали о том, что она действительно существует? Так как дела теперь были запутаны, то ни один из членов сельсовета не хотел замещать председателя.

Из района прислали нового человека, но алешинские мужики отнеслись к нему холодно. Пошли разговоры, что вот, дескать, Егор тоже приехал из района, а три тысячи крестьянских денег ухнули.

И среди этих событий оставшийся без жоака, а главное, совсем еще не окрепший, только что организовавшийся колхоз начал разваливаться. Сначала подал заявление о выходе один, потом другой, потом сразу точно прорвало — начали выходить десятками, без всяких заявлений, тем более что наступил сев и каждый бросился к своей полосе. Только пятнадцать дворов, несмотря на свалившуюся беду, держались и не хотели выходить.

Среди них было и хозяйство дяди Серафима.

Этот вообще-то запуганный несчастьями и придавленный бедами мужик с совершенно непонятным для соседей каким-то ожесточенным упрямством ходил по дворам и, еще более хмурый, чем всегда, говорил всюду одно и то же: что надо держаться, что если сейчас из колхоза выйти, то тогда уже и вовсе некуда идти, останется только бросить землю и уйти куда глаза глядят, потому что прежняя жизнь — это не жизнь.

Его поддерживали братья Шмаковы, многосемейные мужики, давнишние товарищи по партизанскому отряду, в один день с дядей Серафимом поротые когда-то батальоном полковника Марциновского. Его поддерживал член сельсовета Игошкин, молодой, недавно отделившийся от отца паренек. И, наконец, неожиданно взял сторону колхоза Павел Матвеевич, который теперь, когда начались выходы, точно назло всем, подал заявление о приеме его в колхоз.

Так сколотилось пятнадцать хозяйств. Они выехали в поле на сев не очень-то веселые, но упорные в своем твердом намерении не сходить с начатого пути. За всеми этими событиями Петька да Васька позабыли на несколько дней про палатку. Они бегали в Алешино. Они тоже негодовали на Егора, удивлялись упорству тихого дяди Серафима и очень жалели Ивана Михайловича.

— Бывает и так, ребяташки. Меняются люди, — сказал Иван Михайлович,

затягиваясь сильно чадившей свернутой из газетной бумаги сигаркой. — Бывает... меняются. Только кто бы сказал про Егора, что он переменится? Твердый был человек.

Помню я как-то... Вечер... Въехали мы на какой-то полустанок. Стрелки сбиты, крестовины повынуты, сзади путь разобран и мостик сожжен. На полустанке ни души; кругом лес. Впереди где-то фронт, и с боков фронты, а кругом банды. И казалось, что конца-краю этим бандам и фронтам нет и не будет...

Иван Михайлович замолчал и рассеянно посмотрел в окно, туда, где по красноватому закату медленно и упорно продвигались тяжелые грозовые облака.

Сигарка чадила, и клубы дыма, медленно разворачиваясь, тянулись кверху по стене, на которой висела полинялая фотография старого боевого бронепоезда. — Дядя Иван! — окликнул его Петька.

— Что тебе?

— Ну вот: «А кругом банды, и конца-краю этим фронтам и бандам нет и не будет», — слово в слово повторил Петька.

— Да... А разъезд в лесу. Тихо. Весна. Пичужки эти самые чирикают. Вылезли мы с Егоркой грязные, промасленные, потные. Сели на траву. Что делать?

Вот Егор и говорит: «Дядя Иван, у нас впереди крестовины повынуты и стрелки поломаны, позади мост сожжен. И мотаемся мы третьи сутки взад и вперед по этим бандитским лесам. И спереди фронт, и с боков фронты. А все-таки победим-то мы, а не кто-нибудь». — «Конечно, — говорю ему, — мы.